

Анатолий МОЖАРОВСКИЙ

УПЫРЬ

Анатолий Можаровский

Углы

Київ
2013

УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5
М75

Можаровский А.И.
Углы. Поэзии. – К.: ВПЦ «Київський університет», 2013.
M75 – 368 с.

ISBN 978-966-439-579-0

В новой книге А.Можаровскому удалось создать общий символ времени, сказать своей эпохе о тех язвах и ужасах, которые тайно и явно разъедают её.

УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5

Ответственный редактор
Михаил МАЛЮК

В оформлении книги использованы фотоработы
Михаила МАЛЮКА

ISBN 978-966-439-579-0

© Можаровский А.И., 2013
© Малюк М.М. предисловие, 2013
© Урбанская С.Г., художественное оформление, 2013

«МЫ НОВЫХ ЖДЕМ ЛЮДЕЙ...»

*Вам нужно идти по пути, где не встретишь
восторга.
...Вам нужно идти по пути отречения.
Чтобы стать не тем, кем вы были.*

Томас Стернз Элиот.

Согласно христианской доктрине человек живет и во времени, и вне времени. В реалиях современной Украины — настоящее — самое страшное и мучительное время, ибо люди живут, растративая себя в мелких делишках, в ничтожных заботах среди отправляющих душу безобразий, видя как безграничны пределы власти авантюристов и бандитов, и естественно и неизбежно сами заражаются всеми пагубными свойствами, всеми навыками и приемами власти, презирающей их и изdevающейся над ними. Отчаяние, безысходность, унылая всепоглощающая тоска разъедают души большинства людей. Не живя полноценно, а суть жизни — это всегда настоящее, человек тем самым унижает и пачкает самую возвышенную и наименее осязаемую часть Творения — время.

Анатолию Можаровскому, исходя из концентрированного личного опыта, удалось, сохранив специфические черты этого опыта, создать общий символ времени, сказать своей эпохе о тех язвах и ужасах, которые тайно и явно разъедают её, показать сколь многое в современной жизни — просто смерть.

Поэзия — суверенная область художественного творчества, в которой всплескам эмоций, экстазам самоупоения или проповедям поэт обязан противопоставить новые перспективы видения мира, выявить его глубинные измерения. Главная концепция поэзии — новое видение мира. Чистая поэзия несуществима, ибо поэзия — противовес самообману, подмене жизни. Каждый истинный художник — не просто новый мир, новое видение мира, но и трансформация мира вне его. Самобытность — свойство творца создавать мир заново: после него внешний мир предстает перед нами иным, мы обнаруживаем в нём много такого, о чем не догадывались раньше.

Поэтический мир, созданный Анатолием Можаровским огро-

мен и всеобъемлющ. Это своеобразная поэтическая энциклопедия жизни и нравов не только современной Украины, но и всего постсоветского пространства. Здесь много мрачного, шокирующего. Читатель, привыкший упиваться в поэзии музыкой стиха, его сладкозвучием, песенностью, напевностью, услышит здесь иную музыку — диссонансы и лягги самой жизни, и, возможно, с возмущением отбросит книгу: разве это поэзия?! Здесь нарушены все традиции! Но традиция — это красота, которую мы храним, а не путы, которые нас связывают, а искусство — всегда нарушение, потому что оно есть свобода говорить правду.

“...говорить правду, — это искусство труднейшее из всех искусств, ибо в своём “чистом” виде, не связанная с интересами личностей, групп, классов, наций, — правда почти совершенно неудобна для пользования обывателя и неприемлема для него. Таково проклятое свойство “чистой” правды, но в то же время это самая лучшая и самая необходимая для нас правда”. Эта “несвоевременная” мысль Максима Горького куда как своевременна для нашей современной литературы, которая всячески избегает говорить правду о дне нынешнем. Большинство издаваемых сегодня произведений, позиционируемых как наиболее популярные у читателей, обращены в прошлое, а значит выходят, выпадают из времени, другие же, так называемая “массовая” литература, возбуждают темные инстинкты, которые и без того буйствуют на почве экономической разрухи и социального разложения.

Анатолий Можаровский — поэт глубокой христианской традиции, для которого идея порядка тесно связана с представлением о Божественном начале. Отсюда и его идеал государства: “Богократия — ...правление небес по Слову” и конституция — Божьи Заповеди.

Его творчество — моральная и религиозная оппозиция духу времени. Он закипает гневом, видя как страдают безгрешные, а злодеям — всё нипочём. Его гнев — это огонь кузнецкого горна: жар претворяет ком железа — его дух — в обоюдоострый меч, который есть его вера, его оружие для борьбы с беспощадными силами противостоящими человеку. Он видит своё предназначение поэта не в образе свободного художника, а дисциплинированного и ответственного мастера, зависящего не от потреб плебса, а от долга перед Богом. Он не ищет легких путей к славе, избегает мирских сблазнов, не прячет глаз от повсеместной несправедливости:

* Максим Горький. Несвоевременные мысли., М., 1990. — С.84.

*перст мой пишет
снова и снова кровью
по стене
о горе.*

Анатолий Можаровский не устает говорить: постсоветский мир в руках бандитов, он безумен, он смертельно болен и опасен. Утратив любовь и милосердие, отвернувшись от Бога, собственно, это уже и не мир, а антимир, владения Антихриста. И самое страшное — он воцарился здесь без малейших усилий, без борьбы, встретили его с распростёртыми объятиями, хлебом-солью. Современный постсоветский человек заражен алчностью и завистью, лишен моральных ограничителей, политически и социально развращённый становится серьёзной угрозой остальному миру. Благополучные Америка и Европа, отплясав на поминках СССР, получили врага куда серьёзнее, чем бывший коммунистический монстр. Принимая в свои банки миллионы сколоченные откровенным грабежом и разбоем, давая приют ордам разношерстного чиновничье-бандитского отребья, позволяя им скупать дома и замки, они запустили к себе Троянского коня с прожженными мародерами и растлителями, которые взорвут их законопослушный мир изнутри:

*А, может, когда-то
кто-то там замуж
или женится
в королевский замок,
годы пройдут, пролетят,
раствосятся,
и вдруг — король!
Русский!
О, братцы!
Гульём по Британии,
вспомним
русские шалости!
И, вёдрами, водка!
Русские привыкли удивлять миф всегда.*

... В старинных хрониках народ исчислялся по количеству душ, а не голов. Современному человеку это кажется странным, нелепым, но тогда человек больше думал о Боге, о грядущей (вечной) жизни

и куда меньше был озабочен земными делами. Болезнь эпохи, как видит ее поэт Анатолий Можаровский, — в неспособности принять на веру представления о Боге, мире и человеке, которыми жили наши предки, в неспособности испытывать к Богу и человеку такие чувства, которые испытывали они:

*Поклоняемся мы силе
чёрной, злой и неуёмной.
А нам бы Бога,
да с любовью.*

Меркантилизм политических партий и самого народа, приоритет выгоды или интереса, неуправляемые эмоции и вожделения — вот что оскотинивает жизнь. Потому и считают нас поголовно...

Торгашество, продажность, презрение, откровенно демонстрируемое властями к человеку-труженику повсеместны в Украине. Пылкие споры о демократии и независимости закончились неприкрытой тиранией денег, которая развратила всех — богатых и бедных: гражданин правильно организованного общества может презирать власть, но чтит закон; подданный насквозь коррумпированного государства страшится власти, но презирает закон и стремится где только можно обойти его, рабски следя в этом за своими повелителями.

Внимательный взгляд художника замечает не только мельчайшие детали изменений в общественной жизни, но и тончайшие нюансы обыденной речи — живой язык ведь тоже чутко реагирует на эти изменения, отображая психологию говорящего. Язык помогает срывать маски. Все высказывания так называемых политиков сводятся к подобающей слушаю не утружающей ума расстановке десятка однажды отвердевших слов, давно уже употребляемых вне прямого их смысла. Да даже из заученных фраз подсознательно прорывается привычная лексика, своеобразное построение фраз, присущее определенным, ранее замкнутым, языковым группам (уголовного мира, например). Когда респектабельный чиновник или народный депутат ничтоже сумящеся говорит о своей “активной работе на районе, на округе”, понимаешь, какую социальную группу он представляет во власти. Анатолий Можаровский умело использует этот речевой оборот, мгновенно вводя читателя в нужную атмосферу: “Коммунизм похоронили // на стране...”, “Турнир особый по футболу // состоялся на стране...” Это, вроде бы,

смешно, но, на самом деле, — страшно: живём-то “на зоне...” Анатолий Можаровский досконально овладел искусством извлекать из слова, сжимая и спрессовывая его в различных контекстах, смысл, который мы в нём даже и не подозревали. Вообще для его стиля характерно стремление к смещениям смысловых и эмоциональных планов, к снижению привычных поэтических аксессуаров, к сближению языка поэзии с языком улицы.

В поэзии Анатolia Можаровского много интерпретаций категорий “время”: время жизни отдельного человека, историческое время, время становления, развития и упадка стран, цивилизаций... Годы, столетия, эпохи... Время, его течение в формах причинности и последовательности. Но все это — лишь мгновения. За историчностью, изменчивостью поверхности жизни скрывается вечный и вневременный мир.

Суть жизни — это всегда настоящее, обращение же в прошлое — это уже суть ее конца, а в будущее — ее начала. Умереть — это значит утратить время и выйти из времени, но это значит обрести взамен вечность или ничто. Каждому — по вере его.

Анатолий Можаровский, как и каждый истинный художник, создает портрет своего времени, фиксируя истинное бытие вещей, это неподвижное “теперь”. Но он предвидит и деятельное, созидающее время, вынашивающее перемены:

*Мы новых ждём людей.
Восстанут и пойдут
в духовной силе.*

Михайло МАЛЮК

***

Мечты стираются в пыль.
В временем.
Или безвременьем.
Пыль ложится
на деревья, цветы.
Дорога в пыли.
А были мечты.
Перетертые временем,
как жерновами
зерно на мельнице.
Мысли новые входят
с рассвета,
такие светлые,
чистые где-то секунды,
потом темнеют,
не взирая на небо горящее.
Чем-то кто-то
их зачерняет,
или отравляет
сознание.
Вначале
пробовал я пробивать
ржавые створки
моих желаний,
но смирился.
Все вокруг
так живут.
И груз мечты
уже не груз,
а частицы пыли,
плавающие в пространстве.
Или?
Или
что-то не так?
Но как научиться
понять, узнать,
кто нам мешает
мечтать?

А время гонит
новый лозунг
и новые мечты,
если ты стоик.
Стоик?
А за что стоишь?
Слышшишь...
Слышшишь...
Слышшу...
Стучит в окно
дождь,
и крыши мокрые
блестят,
деревья, цветы
омыты.
И я, и ты
сердиты на слабоволье
сознания.
Простор затмило
время,
или безвременье,
сталью створ
как жалюзи
на глаза.
А что же мозг?
Не говорю: душа...
Мечты перетирают
дальше жернова...

30.08.2013

***

В окне —

лицо

прижатое к стеклу.

Приплюснут нос, щеки, глаза...

И тихо стало вдруг.

Я как оглохший в гульбище

автомобилей,

толпе людей бегущих

мимо.

Сила неудержимая

прижала меня к

дереву напротив.

Я смотрел на это лицо,

и что-то

вогнало страх в меня,

и он холодным потом

окатил спину.

И грудь

с комком окаменевшего

вдруг воздуха

застыла.

Лицо в окне.

Выдох легким

паром покрывал стекло.

Глаза чуть было видно.

Я чувствовал

тоску одиночества его,

и страх усилился мой

многократно.

А лицо,

не отрываясь от стекла,

жадно ловило

каждый бегущий автомобиль,

людей в толпе.

Но никто

не реагировал на его взгляды.

Люди торопились.

...Машины, вдруг, завизжали,
и ушла моя глухая глухота,
но страх остался
до утра.
Я выходил ночью на балкон,
нервно курил,
пил виски со льдом,
читал какую-то статью.
Но мой покой ушёл
туда,
к расплеснутому,
размазанному по стеклу
лицу.

30.08.2013

***

Модернизация.

Урбанизация.

Приватизация.

Захватизация.

Химизация.

Люстрация.

Аппликация.

Акация.

Весна в цвету,

пчёл гул в саду,

запахи

пьянят и манят.

И хочется лежать

в траве духмяной

и гладить желтых одуванчиков

лицо,

и пить их горькое весною молочко,

и плакать, плакать

от любви, от мудрости небес

к нам, людям,

очерствевшим

как самый подлый плебс,

запутавших Слово

и слова.

Как новое бельё

“элита”

под дождём

зеленых лиственных бумаг,

и золото,

летящее не для дел благих, а так.

Дурня

по типу модернизации

такой:

еда стала

химизацией,

отлов для кладбища
едящих, пьющих
и плачущих
за приватизацию
здравьем,
и жизнью тоже.

Своей.

Детей...

Управляемая “элита”,
продажная как
девка в кабаке
вдоль трассы, где бушуют пламенем
моторы
ночью и днём,
и горы отходов
химической еды.

Химический всеобщий
наш “Али”...

Но помохи извне
не жди.

Здесь план особый.

Антихрист ходит
и водит “элиту”
новым кругом
модернизации голов
живущих чудом,
а, может, роботы уже
от этих “ешек”?
“Е”.

Химизация вообще,
прихватизация уже
закончена почти,
и мне дадут
кусок земли.

Её дают здесь всем.
В конце пути.

Дали рисовал
мечты.
А я вижу правду.
Ту,
которую предположить
мог только Бог
от наших игрищ
и оболваненных голов.
Болванка.
Болван.
Болванизация.
Чан.
Башка.
Топор.
Гильотина.
Вор.
Полицейский.
Суд.
Тюрьма.
А если телефонное право?
И правосудие штампует
приговоры неправды?
Болваны.
Оболванивание извне.
Помощь где?
Везде.
Чаще
в водке,
в вине,
в тряниде.

30.08.2013